

Ольга Аристова

БЕСКОНЕЧНАЯ ЛЮБОВЬ

ТРИ ЖИЗНИ —
ОДНА СУДЬБА

БОМБОРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А81

Художественное оформление *Виктории Брагиной*

Аристова, Ольга.

А81 Бесконечная любовь. Три жизни — одна судьба / Ольга Аристова. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Маяк надежды. Исцеляющие истории).

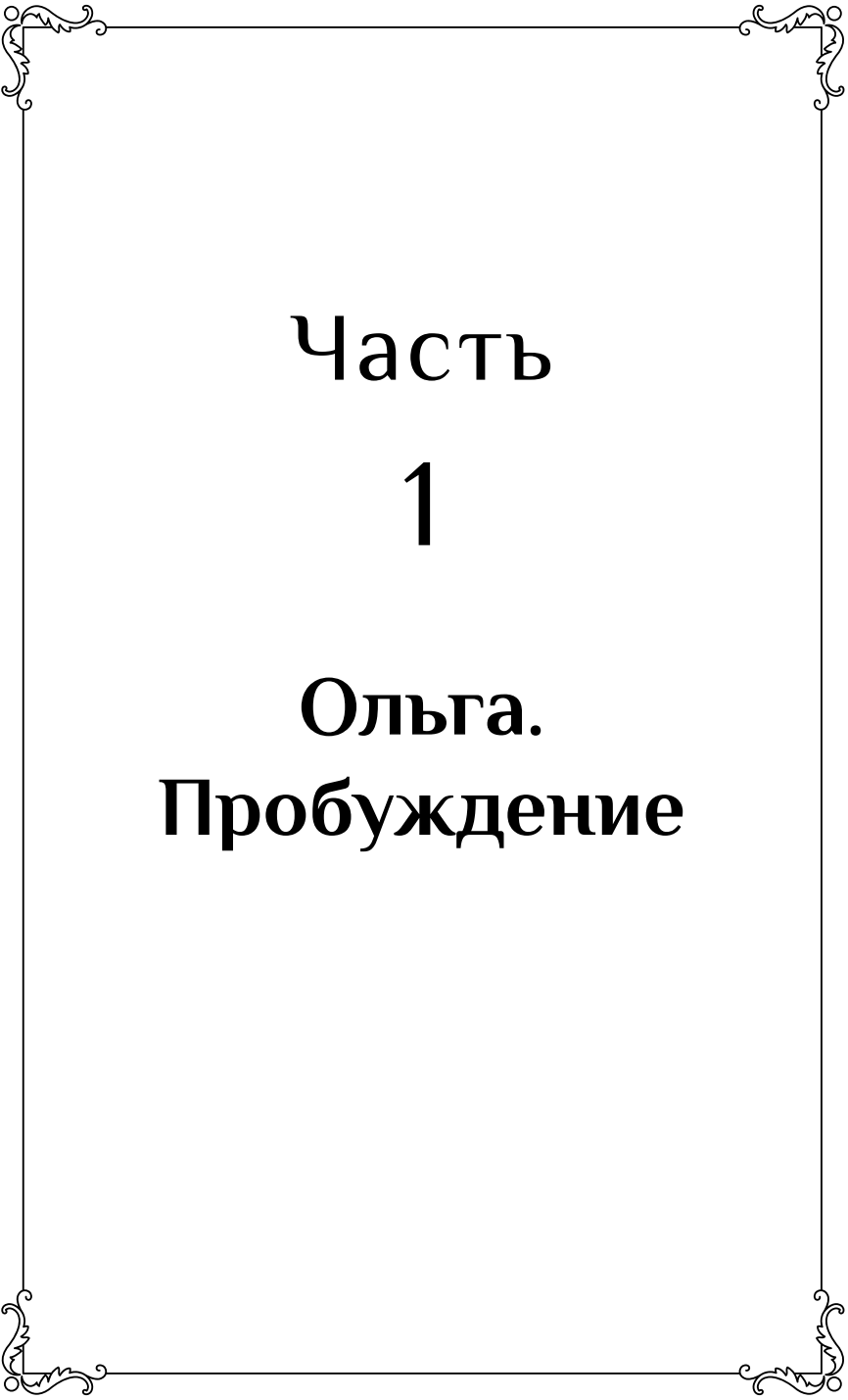
ISBN 978-5-04-251288-9

Ольга привыкла доверять только цифрам, фактам и полагаться на свой опыт. Пока однажды не встречается Тимура — мужчину, рядом с которым ее преследует странное чувство, будто они уже знакомы. Вскоре девушке начинают сниться события из другой эпохи, а древняя тайна семьи Тимура заставляет задуматься: почему их так необъяснимо тянет друг к другу? Чем глубже Ольга погружается в прошлое, тем больше понимает: их история началась задолго до этой жизни. Но смогут ли они изменить то, что однажды уже было предопределено судьбой?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-251288-9

@ Ольга Аристова, текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

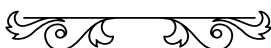
Часть

1

Ольга.
Пробуждение

Глава 1

Вечерняя встреча

Был прохладный майский вечер, и Москва, вся в золоте и пурпуре заката, медленно погружалась в бархатную синеву. Яркие огни вывесок и фонарей уже зажглись, отражаясь в бесконечной ленте машин, что стояли в пробке, плотной и неподвижной, словно застывшая река.

Ольга вышла на улицу после долгого трудового дня. Служебную машину она отпустила — ей захотелось пройтись, подышать этим бодрящим весенним воздухом, еще хранящим свежесть недавнего дождя, смыть с себя усталость от цифр и отчетов. Она шла не спеша, стройная, в черном пальто-трапеции с бархатным воротником, отрешенная и прекрасная в своей элегантности. Изящные лодочки на каблуке четко отбивали ритм по асфальту. Прохожие оборачивались, провожая ее взглядом, — она производила впечатле-

ние загадки, женщины из иного, возвышенного мира, чуждого обыденности.

Но за этой внешней холодной уверенностью, отточенной годами спорта и нелегкой, а порой изнурительной борьбы за успешную карьеру и достойное место в жизни, таилось иное. Ольга с юности знала, что в ее жилах течет кровь старинных целительниц. Она никогда не афишировала это, да и в ее рациональной жизни финансового директора для подобного не находилось места.

Однако временами, касаясь чьей-то руки, Ольга ощущала особое тепло в кончиках пальцев, а на улицах большого города ее порой преследовали тени прошлого, смутные образы лесов и полей, будто память предков тихо стучалась в ее сердце. Эта сила дремала в ней, как семя в сухой земле, не давая ростка, но напоминая о себе легкой дрожью, когда на отдыхе за городом ветер приносил запах свежих трав, омытых дождем.

Голова ее в этот вечер гудела от бухгалтерских отчетов и утомительных совещаний. В двадцать четыре года она добилась многого. У нее была руководящая должность в крупной компании, солидная зарплата, служебная машина и персональный кабинет, сотрудники почтительно называли ее Ольгой Васильевной. Правда, сейчас ей хотелось лишь тишины и спокойного домашнего уюта.

Ольга уже подходила к кованым воротам изящной ажурной ограды, отделявшей ухоженную территорию

офисного комплекса от проезжей части, когда приятный мужской голос — уверенный, спокойный, но с мягкой утонченностью в интонации, обратился к ней:

— Здравствуйте. Я работаю в этом здании и видел, как вы выходили. Вы такая... отрешенная. Как будто несете внутри какой-то свой, отдельный мир. Мне захотелось хотя бы попытаться в него заглянуть.

Позвольте вас подвезти, — сказал незнакомец, и его предложение совершенно не казалось навязчивым, а в голосе слышались лишь уверенность и какая-то располагающая теплая искренность. — Если вы, конечно, не против.

Ольга увидела молодого человека с ярко-зелеными, как молодая трава после дождя, глазами, стоявшего у приоткрытой водительской двери «Бентли». Крепкого, но изящно стройного сложения, одетого в темно-синий костюм изысканного кроя. В его осанке, в манере держаться чувствовалась та же спокойная мужественность, что и в его речи. Однако не это заставило ее сердце на мгновение замедлить свой ритм. Его глаза, его голос были уже знакомы ей — до боли, до мучительной щемящей тоски.

— Я... не против, — ответила девушка, и собственная слабая улыбка показалась ей чужой, зародившейся помимо ее воли. Она никогда не знакомилась на улице и тщательно выстраивала личные границы, в ту секунду Ольга руководствовалась не здравым смыслом, а чем-то иным, глубоким и безошибочным, как инстинкт. И вдруг с абсолютной, иррациональной

ясностью почувствовала, что эта встреча — не случайность.

Она назвала свой адрес, и пассажирская дверь роскошного автомобиля бесшумно открылась, впуская ее в салон, пахнувший дорогой кожей и каким-то свежим, холодноватым ароматом, в котором угадывались кедр и мята, и так же бесшумно закрылась. Внешний мир с его вечерним гулом, ароматом буйной майской зелени, перемешанным с выхлопными газами, остался снаружи, за тонированным стеклом.

— Меня зовут Тимур. А вас? — тем же чарующе знакомым голосом спросил водитель, плавно вырулив за ворота и ловко встраиваясь в плотный поток машин.

— Ольга, — ответила она, замороженно глядя на уверенно держащие руль красивые мужские руки с длинными сильными пальцами, как у музыканта. И снова ощутила это странное дежавю, будто уже видела эти руки при ином свете: не электрическом, а от пламени костра или свечи...

Они ехали по залитому огнями проспекту. Свет фонарей мелькал в салоне, на мгновение освещая его профиль, затем топя в полумраке и снова выводя из тени.

Из рассказа Тимура о себе Ольга узнала, что он совладелец крупной нефтяной компании, успешный бизнесмен. Но для нее он все равно оставался тем же загадочным и особенным мужчиной, пришедшим из ее снов о прошлом, к которому ее про-

должало тянуть невероятно и необъяснимо сильно. Она слушала его и одновременно прислушивалась к себе, к той тихой вибрации, что пробудилась в ее крови от того, что он рядом. Это было похоже на легкий звон натянутой струны, на едва слышный зов, который она когда-то давным-давно, еще в детстве, живя у бабушки, слышала в алтайском лесу, оставшись одна на поляне.

— А кем вы работаете, Ольга, если не секрет? — с едва заметной улыбкой спросил он.

— Не секрет: я финансовый директор — анализ и прогнозы, контроль и планирование, учет и отчетность... Цифры, одни цифры! — улыбнулась Ольга в ответ.

— И как же вы, погруженная в сухие цифры, умудряетесь сохранять такую ауру таинственности? — произнес он, и в его голосе не было даже капли насмешки, а лишь искреннее любопытство.

Машина свернула на ее улицу и плавно остановилась у подъезда. Владелец авто повернулся к ней, и в полумраке его зеленые глаза казались бездонными, темными, как лесное озеро в ночи.

— Ольга, — произнес Тимур, и в его устах ее имя прозвучало как-то по-новому, более значимо и бережно. — Я очень хочу продолжить наше знакомство. Позвольте мне узнать ваш номер телефона.

Она не колеблясь продиктовала цифры, сама удивляясь своему легкомыслию. Он тут же набрал номер, и в ее сумочке тихо пропел телефон.

— Я вам позвоню, — сказал Тимур твердо, глядя ей прямо в глаза.

И во взгляде его было не просто обещание, а нечто большее — предопределенность, словно он лишь озвучивал давно известный им обоим факт.

Ольга вышла из автомобиля, вдохнув привычные городские запахи, но теперь они казались ей приглушенными, отдаленными. Она не спеша прошла к подъезду, не оборачиваясь, но спиной чувствуя его взгляд: прожигающий спину, очень осязаемый.

В своей светлой, со вкусом обставленной квартире она подошла к окну. Машины уже не было видно. На небе, между силуэтами крыш, догорала узкая алая полоска заката. Ольга прикоснулась пальцами к стеклу, и на миг ей показалось, что она чувствует не холод гладкой поверхности, а шершавую кору дерева, тепло потрескивающих в очаге поленьев и горьковатый, целебный запах полыни. Она закрыла глаза, позволив этому ощущению накрыть ее с головой.

И стояла у окна еще долго, пока не угас последний отблеск заката и ночь окончательно не вступила в свои права, зажигая вдали бесчисленные огни никогда не спящего города. Тот вечерний воздух, что еще недавно казался ей таким сладким, теперь ощущался иным — густым, тяжелым, наполненным незримыми токами, будто перед грозой. В висках легко стучало, и это было не привычное напряжение от переутомления, а смутное, настойчивое волнение, схожее с тем,

что испытывают, услышав первые такты давно забытой, но дорогой сердцу мелодии. Она словно слушала послевкусие их общения, и ее это заворачивало.

Отойдя от окна, Ольга приготовила себе чай — не привычный изысканный коллекционный дарджилинг, а травяной, который она себе часто составляла из сборов по старинным рецептам из своей глубинной памяти. Темный душистый отвар слегка контрастировал с безупречно стильным интерьером ее кухни из полированного дерева и стекла. Ольга сделала глоток, и теплая горечь трав медленно разлилась по телу, унимая внутреннюю дрожь.

Мысли ее, обычно четкие и облеченные в стройную последовательность приоритетов, путались и разбегались. Финансовый отчет, который ждал ее завтра утром, вдруг показался чем-то призрачным и неважным, картонными декорациями на фоне внезапно ожившей подлинной жизни. Ольга думала о руках Тимура, небрежно и в то же время чутко лежащих на руле. О том, как свет фонаря выхватывал из темноты линию его скулы. И больше всего — о глазах: этих зеленых, пронзительных глазах, в которых она, как в старинном зеркале, увидела не свое сегодняшнее отражение, а что-то другое, затаившееся в самой глубине.

«Ты будешь моей», — прозвучало у нее в памяти, но это был не голос нового знакомого. Это был голос из сна, тот самый, что будил ее по ночам. И сейчас эти слова отзывались не страхом, а странным, щемящим предчувствием.

Ольга попыталась вернуться к привычному ритуалу буднего вечера. Проверила почту, пролистала рабочий чат, но буквы расплывались, не складываясь в осмысленный текст. Она прислушивалась к ночи за окном, будто надеялась различить в приглушенном городском шуме рокот мотора его автомобиля — уверенный и спокойный, как голос самого Тимура.

Наконец Ольга легла в постель. Сон не шел. Она ворочалась, перебирая в памяти каждую секунду их мимолетной встречи. Прохлада простыней казалась ей обжигающей. И тогда она снова вспомнила о своем даре, о том, что всегда помогало ей успокоиться. Закрыла глаза, положила ладонь на грудь, где kloкотал этот непонятный вихрь эмоций, и попыталась сделать то, что всегда делала в таких случаях, — настроиться на тишину внутри себя, на тот ровный, теплый поток, что струился где-то в глубине.

И постепенно, очень медленно, суэта отступила. Ее сознание очистилось, и в этой возникшей пустоте родился новый образ: не сон, а ясное и четкое, как фотопортрет, видение. Ольга увидела лицо Тимура и... веточку дерева, поросшую красивыми резными листьями, которую тот протягивал ей. И нежность, с которой он это делал, была столь безмерной, что у нее перехватило дыхание. Она не знала, что это было: память, фантазия или послание — но на губах у нее появилась та же улыбка узнавания, что и в машине, — добрая, теплая.

И тогда Ольга перестала бороться. Она позволила этому новому, необъяснимому чувству накрыть себя с го-

ловой, как теплой волной. Последней мыслью перед тем, как сон смежил ее веки, было простое и ясное осознание: что-то сдвинулось вокруг нее. Незыблемый, выстроенный ею мир дал трещину, и из этой трещины пробивался странный, дивный свет. И она, точнее вся ее рациональная, взрослая сущность, сдавалась ему без сопротивления.

Ольга погрузилась в сон, но это было не бегство от реальности, а возвращение: ее сознание, ослабленное дневными заботами и взволнованное вечерней встречей, легко соскользнуло в ту область, где время текло иначе, а память была не личной, а родовой, уходящей корнями в глубь веков.

Ей снились не образы, а ощущения. Вначале холод: пронизывающий, влажный, от камня под босыми ногами. Затем запах воска и ладана, смешанный с терпким ароматом сушеных трав, разложенных на грубом деревянном столе. Она сидела рядом с подвешенным над очагом глиняным горшком, и ее красивые руки с тонкими пальцами медленно помешивали густой, темный отвар. Над кипящим варевом поднимался горький запах полыни и тысячелистника, но угадывался иной, сладковатый и опасный, аромат болиголова, который она добавляла каплями, зная его силу и ядовитость.

Ольга подняла голову. Вокруг была не ее уютная квартира, а низкое бревенчатое помещение. Сквозь щели в ставнях пробивались узкие лунные лучи, касаясь пучков сушеных растений, развешанных по стенам,